

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ВЕРХНЕМ ДОНУ В САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ (II В. ДО Н. Э. — III В. Н. Э.)*

А. П. Медведев

В статье анализируются три хронологические группы памятников сарматского времени лесостепного Подонья. Их изучение позволило установить глубину проникновения сарматов на север вдоль берегов Танаиса-Дона вплоть до северных районов современной Липецкой области. Прослеживается сложный процесс трансформации сарматской культуры в результате ее адаптации к природным условиям лесостепной зоны и все более усиливающихся контактов с оседлым лесостепным населением. Делается заключение о формировании на Верхнем Дону во II—III вв. нового древнего этноса, представленного в культуре верхнедонских могильников.

Одним из древнейших народов нашей страны, имя которого сохранилось в истории, были сарматы. После завоевания Скифии в глазах греков и римлян сарматы стали самым могущественным народом северо-восточной части античной ойкумены. Более полутысячелетия этот степной, в массе своей ираноязычный этнос играл ведущую роль не только в военно-политической, но и культурной жизни юга Восточной Европы. Поэтому не случайно по его имени выделен сарматский период в истории столь обширного региона. Но к рубежу эр этноним «сарматы», вероятно, ранее относившийся к отдельному народу (Ps.-Scymn. 874—885; Polyb. XXV. 2, 12), стал уже собирательным (Strabo. VII. 3, 2). В сочинениях античных авторов императорской эпохи он обычно употреблялся для обозначения различных племен Восточной Европы. Впервые этот факт прямо засвидетельствовал современник их наивысшего могущества римский ученый Плиний Старший, располагавший весьма надежными и аутентичными источниками о современной ему Сарматии. В рассказе о сарматах, занимавших степи от устья Танаиса до мифических Рипейских гор, он оставил интересное замечание — «сами же они разделяются на многие племена» (NH. VI. 19).

В античности сарматов чаще всего связывали с р. Танаис. В римскую эпоху их связь с этой рекой приобрела характер литературного топоса. Тот же Плиний Старший писал: «вокруг Танаиса по направлению к северу живут сарматские племена» (NH. II. 246). Однако в силу ряда причин, указанных еще Страбоном (XI. II, 2), греческие и римские авторы

располагали весьма скудной информацией о реальных обитателях донских берегов, особенно выше устья. К началу новой эры у них сложилось устойчивое представление о Танаисе не только как границе Европы и Азии, но и как о реке, находящейся на краю света (Hor. Carm. III. 10, 1; Arist. Ael. Dind. I. 183). У греко-римских писателей можно найти лишь самые смутные представления о протяженности Сарматии на север. Марк Агриппа определил ее ширину в 716 римских миль (примерно широта северной границы донской лесостепи). Правда, Плиний счел эти измерения неточными (NH. IV. 91). Помпоний Мела обратил внимание на то, что «Сарматия более широкая внутри, чем по морскому берегу» (De chorogr. III. 4, 33). После Геродота наибольшую глубину проникновения внутрь сарматского хинтерланда демонстрирует «Географическое руководство» Клавдия Птолемея. Но разобраться в его «этнокартах» Европейской и Азиатской Сарматии невозможно без привлечения независимых данных других видов источников. Сейчас основную массу достоверных сведений о сарматах дает археология. Это в полной мере относится к тем сарматам, которые кочевали не только в нижнем течении Танаиса, но и достигали его верховий, где-то у самого рубежа античной ойкумены.

Поскольку ниже речь пойдет о народах, обитавших в древности по берегам Танаиса, еще раз напомним мою точку зрения по вопросу об идентификации этой реки. Как для скифской, так и сарматской эпохи имеются весьма надежные свидетельства разных источников о тождестве древнего Танаиса с современным Доном¹. Я считаю абсурд-

© Медведев А. П., 2006

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда по проекту № 05-01-56103а/ц и по существу представляет сжатые тезисы монографического исследования «Сарматы верховьев Танаиса», завершено автором в 2006 г.

¹ Медведев А.П. К вопросу об идентификации р. Танаис по данным Птолемея // Историческая география Черноземно-го центра России. Воронеж, 1989; Он же. Река Танаис в системе историко-археологических реалий скифского времени // Античная цивилизация и варварский мир. Новочеркасск, 1993.

ной недавнюю попытку Р. Б. Исмагилова доказать, что за античным названием Танаиса скрывается не Дон, а р. Волга². Всю изощренную систему его лингвистических доказательств легко разрушает один бесспорный факт — все-таки не в дельте Волги, а в устье Дона эллинами был основан город Танаис, засвидетельствованный не только античной традицией, но и десятками найденных в нем надписей. За последнее время не приведено новых убедительных аргументов в пользу понимания древнего Танаиса как Северского Донца вместе с низовьями Дона в духе академика Б. А. Рыбакова. Недавно один из его сторонников В. Е. Максименко согласился с тем, что название «Танаис» в начале новой эры утвердилось за рекой, которая известна как Дон³.

Современные научные представления о сарматах связаны со степью, где сосредоточена основная масса оставленных ими памятников, прежде всего, курганов. И это вполне понятно — по господствующему хозяйственно-культурному типу сарматы были степным народом кочевников. Однако в последние десятилетия XX в. группы сарматских курганов стали известны и в лесостепи. Поэтому в отличие от работ моих коллег, рассматривавших сарматскую проблематику, так сказать, в широтном измерении, вдоль великого пояса евразийских степей, в статье будет освещен другой ее аспект — глубина проникновения сарматов и их культуры на север вдоль берегов Танаиса-Дона.

Ранее автор уже пытался решить эту проблему на основе анализа преимущественно погребальных памятников⁴. Однако обычный для отечественной сарматологии подход изучения в качестве источников исключительно курганных материалов для лесостепи оказался слишком односторонним. Необходимо было найти и исследовать следы оседлости — городища и неукрепленные поселения, синхронные сарматским могильникам первых веков н. э. Весьма трудоемкая работа по их поиску, картографированию и широкомасштабным раскопкам проводилась автором и его учениками в 90-е гг. прошедшего века. В результате на Верхнем Дону рядом с известными сарматскими и сарматоидны-

ми могильниками были открыты городища со слоями I—III вв. н. э. (рис. 1). Сейчас появляется все больше надежных археологических свидетельств о присутствии сарматов на лесостепных поселениях, где постоянно проживали оседлые группы коренного населения. Так постепенно стал открываться другой аспект истории лесостепного Подонья в сарматское время — культура местных древних племен, современников сарматов, с которыми они находились в многосторонних контактах. В свою очередь, исследование городищ и поселений первых веков н. э. открыло новые возможности для понимания некоторых особенностей обряда и материальной культуры расположенных поблизости сарматских курганных могильников. В частности, полученные данные не оставляют сомнений в том, что по мере освоения Верхнего Подонья менялись и сами сарматы.

В истории лесостепных сарматов в Подонье по данным археологии выделяется три периода, в целом соответствующих общепризнанным этапам развития сарматской культуры в степи (рис. 2). Обоснованию их хронологических рамок посвящена отдельная статья⁵. Здесь лишь ограничусь одним замечанием — так или иначе, выделенные периоды отражали основные этапы освоения сарматами лесостепных пространств и отличались характером их взаимоотношений с коренным оседлым населением. По особенностям обряда и сопровождающего инвентаря в изучаемом регионе выделяются четыре локальных группы памятников сарматского времени, в трех случаях совпадающие с делением Донской лесостепи на подзоны: южную, типичную и северную⁶. Каждая из них обладает определенной культурной спецификой.

1. *Среднедонской район* включает памятники южной части лесостепи, непосредственно граничащие со степью. Здесь известны погребения всех трех хронологических групп, хотя большие могильники пока не открыты. Практически отсутствуют и остатки синхронных поселений.

2. *Воронежский район* объединяет памятники центральной части Донской лесостепи, сконцентрированные главным образом в нижнем течении р. Воронеж. Они принадлежат второй и третьей хронологическим группам. Здесь открыты большие курганные могильники. Кроме погребальных па-

² Исмагилов Р.Б. Танаис и другие восточные реки Геродота. Ранние тюркизмы в «скифском логосе» // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 2. Самара, 2002. С. 174—182.

³ Максименко В.Е. Река Танаис в античной традиции (К вопросу о границе между скифами и савроматами) // II международная конференция «Скифы и сарматы в VIII—III вв. до н. э.», посвященная памяти Б. Н. Гракова. Азов — Ростов н/Д., 2004. С. 36—37.

⁴ Медведев А.П. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж, 1990.

⁵ Медведев А.П. Периодизация и хронология сарматских памятников на Среднем и Верхнем Дону // Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии. Краснодар, 2004. С. 86—94.

⁶ Физико-географическое районирование Центрально-Черноземных областей. Воронеж, 1960. С. 16, рис. 2.

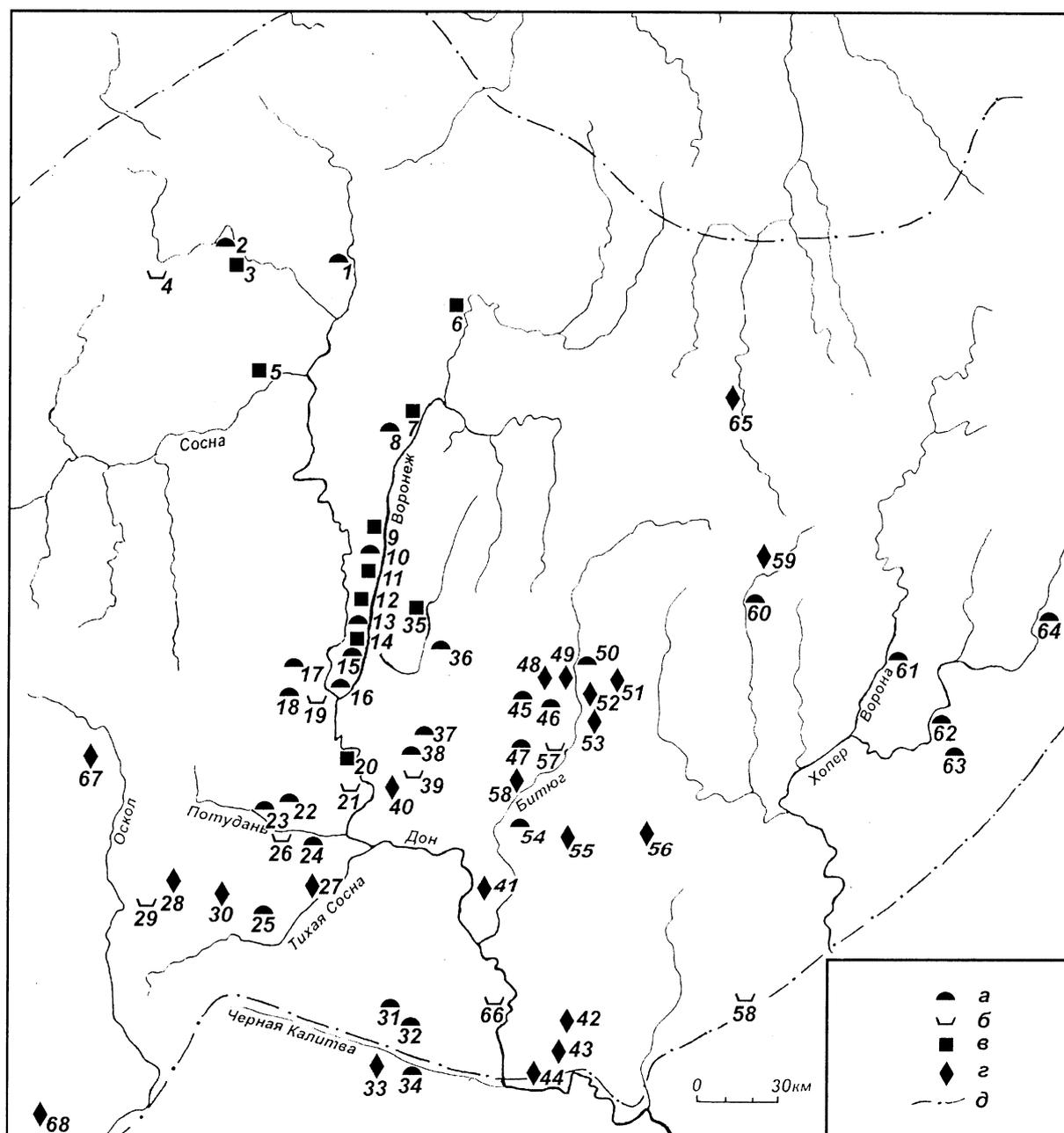

Рис. 1. Карта основных памятников сарматского времени лесостепного Подонья: 1 — Ново-Никольский мог.; 2 — Вязовский мог.; 3 — Ишутинское гор.; 4 — Кличино; 5 — Паженское гор.; 6 — Гудовское гор.; 7 — Сырское гор.; 8 — Княжеское погребение у южной окраины г. Липецка; 9 — Подгорное гор.; 10 — Писаревский мог.; 11 — Пекшевское гор., 12 — Животинное гор.; 13 — II Чертовицкий мог.; 14 — III Чертовицкое гор.; 15 — I Чертовицкий мог.; 16 — Сады; 17 — Дальние Солонцы; 18 — Богоявленское; 19 — Девица; 20 — Большое Сторожевое гор.; 21 — Давыдовский клад (“Бугрики”); 22 — Рубцов; 23 — Заречье; 24 — Сасовка; 25 — Дуровка; 26 — погребение на Репьевском гор.; 27 — Острогжск; 28 — Веселый; 29 — Мандрово; 30 — Расховец; 31 — Караяшник; 32 — Россось; 33 — Базы; 34 — Архиповка; 35 — Каверинское гор.; 36 — Уманский курган; 37 — Каширский; 38 — Левая Россось; 39 — Ермоловка; 40 — Давыдовка; 41 — Антиповский клад; 42 — Русская Журавка; 43 — Нижний Мамон; 44 — Гороховка; 45 — Левашовка; 46 — Старая Тойда; 47 — Шишовка; 48 — Николаевка (Аннинская); 49 — Анна; 50 — Большие Ясырки; 51 — Островки; 52 — Моховое (Студенец); 53 — Новый Курлак; 54 — Красный 2; 55 — Бутурлиновка; 56 — Сериково; 57 — Монастырка; 58 — Манино; 59 — Туголуково; 60 — Жердевка; 61 — Власовка; 62 — Третьяки; 63 — Ильмень; 64 — Таптулино; 65 — Тамбов; 66 — Верхний Карabut; 67 — Николаевка (Новооскольская); 68 — Клименковка; а — курганы, б — грунтовые могилы, в — городища, з — случайные находки, д — границы лесостепи

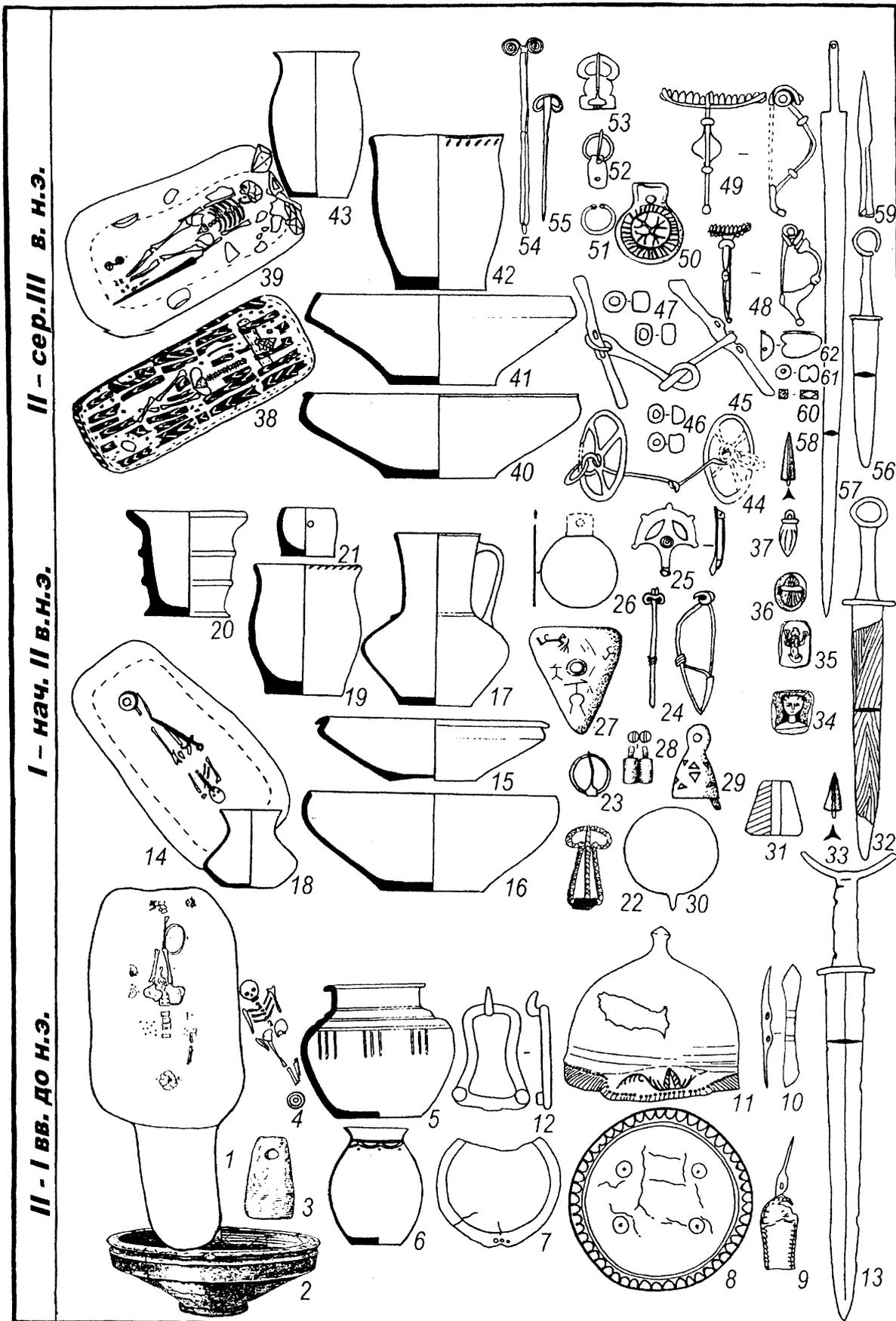

Рис. 2. Этапы развития сарматской культуры в лесостепном Подолье

мятников по р. Воронеж выявлена серия городищ и неукрепленных поселений со слоями средне- и позднесарматского времени.

3. *Верхнедонской район* расположен в основном в подзоне северной лесостепи (север Липецкой и юго-восток Тульской обл.). За исключением одного — двух среднесарматских погребений включает курганные могильники только третьей хронологической группы. Здесь также известны синхронные им городища и поселения.

4. *Среднехоперский район* составляют сарматские памятники по лесостепному течению Хопра преимущественно на границе современных Воронежской и Саратовской областей. В нем исследованы курганные могильники второй и третьей хронологических групп. Недавно здесь стали известны синхронные могильникам поселения так называемого инясевского типа иной культурной принадлежности.

Исследование этнокультурных процессов в лесостепном Подонье в сарматское время на основе комплексного сопоставительного анализа курганных могильников кочевников и синхронным им памятников оседлости является главной целью настоящей статьи. Кратко изложу основные его результаты.

В начале III в. до н. э. практически все среднедонские городища скифского времени прекратили свое существование. К этому времени перестали использоваться и связанные с ними некрополи типа Частых и Мастюгинских курганов. Скорее всего, эти перемены носили катастрофический характер и были вызваны разрушительными набегами кочевников с юго-востока⁷. Некоторые из укрепленных поселений были уничтожены, другие покинуты автохтонным населением, искавшим спасения в глухих лесистых районах Верхнего Подонья. Недавно на Семилукском городище открыты впечатляющие материалы, позволяющие интерпретировать их как свидетельства трагедии, связанной с разгромом этого небольшого поселения и гибелью большинства его обитателей. В его культурном слое, жилищах и хозяйственных сооружениях обнаружены останки не менее 70-ти человек⁸. Их тела

были преданы земле, но захоронения совершались явно по упрощенному ритуалу и встречались практически по всей площади городища. В результате подобных событий на Среднем Дону исчезла та среда, которая питала субкультуру местной знати с ее выраженным «скифским» обликом. Представляется, что впоследствии именно это обстоятельство сыграло важную роль в широком распространении в Донской лесостепи новаций, генетически связанных с другим степным этносом — сарматами.

Вся совокупность полученных на сегодняшний день данных указывает на то, что гибель в III в. до н.э. среднедонских городищ не сопровождалась заселением опустевших лесостепных пространств сарматами. Отдельные их группы начали кочевать на Среднем Дону не ранее II—I вв. до н. э. Присутствие в раннесарматских погребениях и «кладах» мечей с серповидным навершием, сосудов с характерным прохоровским орнаментом в виде «полотенец» и «фестонов», подвески-молоточка из камня, а также зеркала с валиком по краю диска указывает на то, что последние оставлены ранними сарматами. Скорее всего, ими могли быть *аорсы*, которые, по свидетельству Страбона (XI, 5, 8), обитали вверх по течению Танаиса. Началу сарматской миграции способствовали серьезные перемены в этническом составе кочевого населения степи⁹ и природно-климатические перемены последних веков I тыс. до н. э., проявившиеся в значительном повышении температуры воздуха и понижении влажности¹⁰. Со временем это привело к появлению в лесостепи обширных остепненных пространств, что создало благоприятные условия для распространения на север традиций номадизма.

Малочисленность раннесарматских погребений и открытие на Среднем Дону так называемых «кладов» свидетельствуют о начальной стадии освоения сарматами лесостепного Подонья. Подобные памятники характерны для той стадии развития кочевников, когда они вступают на путь завоевания и освоения новых земель¹¹. Тогда вглубь нашего региона они еще не проникали — все оставленные ими древности локализируются в порубежных районах степи и лесостепи. Их появление

⁷ Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья (археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э.). М., 1999. С. 145—152.

⁸ Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д. Погребения на Семилукском городище позднескифского времени (раскопки 1986 г.) // Археологические памятники раннего железного века Окско-Донского междуречья. Рязань, 1993; Они же. Погребения на Семилукском городище поздне-скифского времени (раскопки 1987—1990 гг.) // Древние памятники Окского бассейна. Рязань, 1993.

⁹ Скрипкин А.С. О времени появления аорсов на Дону // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и Средние века. Ростов н/Д., 1994. С. 78—80.

¹⁰ Гумилев Л.Н. Роль климатических колебаний в истории степной зоны Восточной Евразии // История СССР. 1976. № 1. С. 60; Демкин В.А., Лукашев А.В. Почвенно-ландшафтные условия Северо-Западного Прикаспия // РА. 1993. № 4. С. 51—52.

¹¹ Плетнева С.А. Кочевники Средневековья. М., 1982. С. 14—17.

на первых порах не сопровождалось сколь-нибудь археологически ощутимыми этнокультурными контактами с местным населением. Скорее всего, они носили военно-грабительский характер и имели лишь негативные последствия для коренных обитателей лесостепи, частично уничтоженных, частично вынужденных покинуть обжитые районы и уйти в глубинные районы Верхнего Подонья. В результате на Среднем Дону на протяжении всей сарматской эпохи практически не прослеживаются традиции оседлой жизни. Пришлое сарматское население принесло сюда свою культуру, сложившуюся далеко за пределами этой территории.

По-видимому, вплоть до конца I тыс. до н. э. сарматское население среднедонской лесостепи было малочисленным и нестабильным. Картина разительно меняется с начала нашей эры, когда на Среднем Дону и в Прихоперье появляются довольно многочисленные сарматские погребения, иногда образующие небольшие курганные могильники (рис. 3). Их появление свидетельствует о начале нового этапа в этнической истории лесостепного Подонья. Вряд ли это население было прямыми потомками тех первых, весьма малочисленных раннесарматских групп, эпизодически вторгавшихся в Донскую лесостепь со II в. до н. э. Весь облик его культуры позволяет уверенно говорить о новой сарматской волне, скорее всего, вызванной изменением этнополитической ситуации в Донских степях в начале нашей эры в результате появления сильного кочевнического образования во главе с аланами¹².

Не позже середины I в. н. э. эта сарматская волна докатилась до центральных районов лесостепного Подонья. Вскоре сарматами была освоена большая его часть, включая низовья р. Воронеж. Об этом весьма красноречиво свидетельствуют материалы воронежской группы памятников, где помимо курганных могильников открыта и исследована целая серия городищ и поселений первых веков н. э. На сегодняшний день эта группа является наиболее изученной из всех известных на территории лесостепного Подонья. Сейчас здесь исследовано четыре сарматских курганных могильника: I и II Чертовицкие, Писаревский, «Сады». Наиболее полно раскопан I Чертовицкий могильник. Его материалы положены в основу источниковой базы для написания настоящей статьи.

Появление в I в. н. э. в глубинных лесостепных районах Подонья больших курганных могильни-

ков свидетельствует о прочном освоении степняками этой ландшафтной зоны и обретении ими здесь новой родины. Комплексный анализ их материалов позволил выявить некоторые существенные трансформации, которые претерпел степной сарматский этнос в лесостепи в результате вынужденной адаптации к новым природным условиям¹³. Судя по погребальным памятникам, в I — нач. II вв. н. э. его материальная культура имела выраженный среднесарматский облик вплоть до использования типичных сарматских тамг. В то же время экологические условия лесостепного Подонья (разнотравье летом, более высокий снежный покров зимой) способствовали сложению у перекочевавших сюда сарматов особой модели скотоводческого хозяйства. В их хозяйственном укладе прослеживаются явные признаки развитого коневодства, что нашло отражение в характере жертвенной пищи. Так, если степные сарматы-кочевники в качестве таковой чаще всего использовали лопатку барана в естественном сочленении с костями передней ноги, то их лесостепные соседи предпочитали оставлять в тризнах и погребениях черепа лошадей. Таким образом, между сарматами-степняками и сарматами, обжившими берега р. Воронеж, просматривается определенное различие в характере напутственной пищи. Скорее всего, их хозяйство было не классическим кочевым, а полукочевым с весьма ограниченным радиусом выпаса скота. Длительные перекочевки на большие расстояния здесь были не нужны в силу того, что продуктивность зеленой массы лесостепи в несколько раз превышает таковую в злаковой зоне степи¹⁴. По мнению автора, именно в связи с описанными выше хозяйственными и ритуальными особенностями нужно искать решение вопроса о племенной принадлежности населения, оставившего воронежские могильники I — нач. II вв. н. э.

Но вначале следует хотя бы кратко остановиться на методологической стороне современных историко-этногеографических исследований, базирующихся на сопоставлении данных археологии и античной традиции. Проблема состоит в том, что для этого приходится совмещать два различных по своей природе вида исторических источников, точнее, содержащейся в них информации: материальные останки людей вместе с окружающим их «миром вещей» и перечень имен палеоэтносов в

¹³ Медведев А.П. Сарматы и лесостепь. С. 189—191.

¹⁴ Мильков Ф.Н. Природные зоны СССР. М., 1977. С. 126—128, табл. 5.

¹² Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990. С. 214—220.

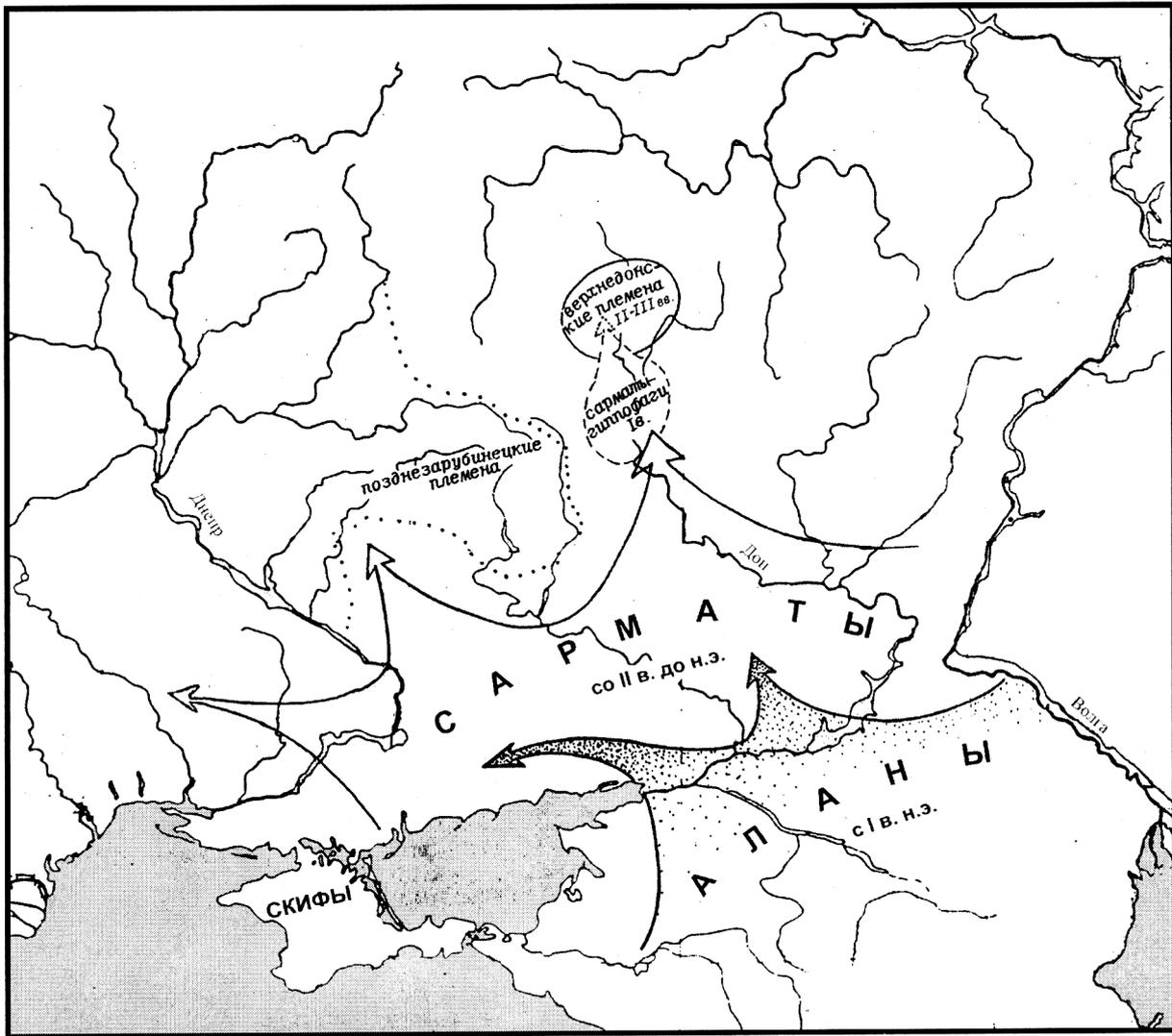

Рис. 3. Этнокультурная ситуация в лесостепном Подонье в I — первой половине III вв. н.э.

той форме, как они были зафиксированы чужой, в данном случае античной письменной традицией. Последние глубоко идеализированы, как правило, сильно клишированы¹⁵, лакунарны да к тому же часто содержат псевдоинформацию, являющуюся плодом ученых этимологий самих древних авторов¹⁶. Они всегда являются фрагментом более или менее цельного дискурса, который создавался для других целей и часто вовсе не предназначался для использования в качестве надежного источника этногеографической информации.

¹⁵ Браунд Д. «Препарируя сарматов»: проблемы источниковедческой и археологической методики // ВДИ. 1994. № 4. С. 169

¹⁶ Медведев А.П. Античная традиция и археологические реалии скифского времени на Среднем и Верхнем Дону (проблем этнокультурной интерпретации) // ВДИ. 2002. № 3. С. 163—164.

Но, с другой стороны, имеющиеся в распоряжении исследователей археологические источники, сколь бы они не были многочисленны, — это не просто «ископаемая реальность», а всегда какая-то часть, и притом очень незначительная, «былой реальности». То есть и здесь мы имеем дело с весьма фрагментированной источниковой базой (в нашем случае — отдельные могильники, чаще всего исследованные не полностью), хотя и происходящей непосредственно из культуры того или иного палеозтноса. Конечно, они содержат материалы, позволяющие выявить определенную культурную специфику оставившего их населения, особенно в сравнении с соседними популяциями. Но вероятность того, что она отражает *ту же самую этнографическую черту древнего народа*, которая попала в поле зрения античного автора и

запечатлена в античном этнониме, очень и очень мала. Для его надежной идентификации часто недостаточно простого совпадения по месту и времени с определенной группой археологических памятников. Более важно, чтобы совпали *их сущностные характеристики*, отражающие этническую и культурную специфику. В науке такие случаи встречаются крайне редко. Возможно, один из них представляют материалы I Чертовицкого и других могильников на р. Воронеж. На мой взгляд, именно в связи с описанными выше хозяйственными и ритуальными особенностями нужно искать решение вопроса о племенной принадлежности населения, оставившего воронежские могильники I — нач. II вв. н. э.

Необходимые, хотя и предельно скудные сведения по древней этногеографии интересующего нас региона содержит «Географическое руководство» Клавдия Птолемея. Лишь у него мы находим сообщение о стране, с большой долей вероятности включавшей в себя современное лесостепное Подонье. По его географическим представлениям весь бассейн р. Воронеж (левый приток Дона) оказался бы в северной части Азиатской Сарматии. Именно здесь Птолемей локализует народ *сарматов-гиппофагов* (V. 8, 16), то есть «конеедов». Скорее всего, под этим этнонимом скрываются сарматы центральных районов Донской лесостепи, оставившие могильники на р. Воронеж¹⁷. По наблюдениям этнографов образование этнонимов по хозяйственным особенностям как раз характерно для этносов со специализированным хозяйственно-культурным типом¹⁸. Напомню, что подобный способ образования экзоэтнонимов по особенностям пищевого рациона был очень широко распространен в Античности, особенно у грекоязычных авторов («лотофаги», «ситофаги», «галактофаги», «ихтиофаги», «креофаги» и т. п.). В передаче Птолемея этноним «сарматы-гиппофаги», скорее всего являлся греческой калькой с местного ираноязычного названия, которое его информаторы могли получить от сарматов.

Проведенное автором сопоставление данных нарративного и вещественных источников в конечном итоге позволило получить новое знание, кото-

рое невозможно было бы извлечь из тех же источников при их анализе порознь. И здесь нет ничего мистического — таков результат правильно проведенных междисциплинарных исследований¹⁹. Более того, в самой возможности сопоставления весьма многочисленных, но «немых» (точнее многозначных) данных археологии, всегда имеющих надежную пространственно-временную привязку, и результатов анализа античной традиции, менее определенной в этом отношении, но несущей некоторую конкретную этнографическую информацию, я вижу единственную возможность придать нашим археологическим реконструкциям известную этнографическую и историческую конкретность.

В свете одного лишь упоминания у Клавдия Птолемея сарматов-гиппофагов можно было бы уверенно включить в список так называемых «мнимых реальностей» в античных представлениях об этногеографии Восточной Европы²⁰. Поедание конины — обычная кочевническая традиция, дожившая до наших дней. Поэтому название «гиппофаги» можно было бы принять за традиционную характеристику кочевников, восходящую к контаминации с гомеровскими гиппемолгами и галактофагами²¹. Однако археология все же позволяет утверждать, что на севере Азиатской Сарматии обитал некий реальный народ с культурой среднесарматского типа, с развитым коневодческим укладом, у которого основным жертвенным животным (по крайней мере в погребальной обрядности) была лошадь²². Если наша идентификация верна, то по данным археологии сарматы-гиппофаги, скорее всего представляли отдельную этнографическую группу, входившую в мир сарматских племен Подонья.

Южными соседями сарматов-гиппофагов могли быть степные сарматские племена *закатов*,

¹⁹ Haidle M.N. Interdisziplinariät in der Archäologie: eine Notwendigkeit? // Archäologische Informationen. № 21/1. 1998. S. 10—11

²⁰ Подосинов А.В. «Мнимые реальности» в античных представлениях о Восточной Европе // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 2002. С. 183—191.

²¹ Иванчик А.И. Накануне колонизации. Москва — Берлин, 2005. С. 38.

²² Любопытно, что тот же Птолемей в описании народов Азиатской Скифии («по ту сторону Имава») упоминает еще одних конеедов — «гиппофагов-скифов». «Северные области этой Скифии населяют аби-скифы, области под ними — гиппофаги-скифы...» (Ptolem.: VI. 15, 3). Скорее всего, далеко не случайно александрийский ученый локализует и этих восточных гиппофагов где-то на северо-восточной периферии Азиатской Скифии, причем примерно в тех краях, где археологически также отчетливо прослеживаются признаки развитого коневодческого хозяйства.

¹⁷ Медведев А.П. Сарматы-гиппофаги // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3. Волгоград, 2000. С. 129—132.

¹⁸ Поплинский Ю.К. Принципы этнографических описаний в античной научной литературе // Африканский этнографический сборник. Вып. XII. Л., 1980. С. 134; Чеснов Я.В. Об этнической специфике хозяйственно-культурных типов // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982. С. 122.

сварденов и асэев, которые обитали в левобережье Среднего Дона, а также *перизрбиды* — народ, занимавший степные пространства «вдоль северного поворота р. Танаис» (Ptolem.: V. 8, 16). Попутно замечу, что у нас нет никаких данных видеть в перизрбидах один из древних финно-угорских народов, как это недавно предложил В. П. Яйленко. Единственным основанием для столь ответственного заключения послужила весьма произвольная этимология. Исследователь увидел в этнониме Περζέρβιδος прозрачный финно-угорский топоним типа прибалтийско-финнского *perä jarvi*, то есть это обитатели «Заднего озера»²³. Может быть топоним-то и прозрачный для северо-запада России, но он никак не подходит для степных ландшафтов в районе донской излучины, где помимо небольших речных стариц вообще не было сколь-нибудь значительных озер! В археологическом отношении вся эта степная территория была занята сарматскими племенами, одним из которых, скорее всего, и были птолемеевские перизрбиды. Недавно И. В. Сергацков предложил идентифицировать их с сарматами, обитавшими по берегам Иловли²⁴. Такой подход к проблеме перизрбидов мне представляется более обоснованным, нежели явно надуманная этимология, предложенная В. П. Яйленко.

Вернемся к вопросу об этнических процессах на р. Воронеж в начале н. э. Возникновение рядом с III Чертовицким городищем большого сарматского некрополя, с господствующим курганным обрядом погребения, свидетельствует о сосуществовании в глубинных районах донской лесостепи двух этносоциальных организмов. Открытые в последнее десятилетие следы пребывания сарматов на III Чертовицком и других лесостепных городищах, с одной стороны, наличие местной лепной керамики в сарматских погребениях чертовицких могильников, с другой, а также близкое расположение названных памятников не оставляет сомнений в том, что оставившие их группы населения находились в тесном взаимодействии²⁵. По-видимому, материалы I Чертовицкого могильника и III Чертовицкого городища отражают начальный этап *межэтнической интеграции* пришлого сарматского и автохтонного лесостепного населения

²³ Яйленко В.П. Гунно-болгары II—V вв. на Боспоре по данным эпиграфики и антропони мики // Древности Боспора. Вып. 5. М., 2003. С. 315.

²⁴ Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000. С. 235—236.

²⁵ Медведев А.П. Археологические материалы о присутствии сарматов на лесостепных городищах // Сарматы и их соседи. Ростов н/Д., 2000. С. 233—255.

в бассейне р. Воронеж. Нет сомнений, что ее «инициаторами» выступали воинственные сарматы.

Хронологический анализ погребений I Чертовицкого могильника показал, что сарматы пребывали здесь как минимум 60—80 лет, то есть в течение жизни нескольких поколений. За это время вполне могли установиться прочные культурные, хозяйственные и брачные связи между двумя этнически различными группами населения. Если привлечь сравнительный этнографический материал о взаимодействии кочевых и оседлых обществ, в том числе и в сарматскую эпоху (Strabo: VII. 4, 6; Tac. Ann.: XII. 17; Amm. Marc.: XVII. 12, 17—20), то отношения обитателей городищ с сарматами-гиппофагами, скорее всего, сводились к каким-то формам зависимости, покровительства, данничества²⁶. Возможно, на это косвенно указывает полное отсутствие в I Чертовицком могильнике орудий производства при обилии находок оружия. Здесь почти 40 % погребений принадлежало воинам со стандартным набором среднесарматского вооружения. Вероятно, в первые века нашей эры на Верхнем Дону в какой-то степени повторилась этнополитическая ситуация, существовавшая на Среднем Дону в скифское время²⁷. Только теперь роль хозяев Донской лесостепи играли выходцы из степи — сарматы, а затем и их потомки от смешанных браков с местными женщинами.

О том, сколь прочно наш край вошел в состав сармато-аланского мира, свидетельствует открытое в 2005 г. под Липецком погребение знатной сарматки рубежа I—II вв. По ряду признаков его следует отнести к группе захоронений высшей сарматской знати типа Кобяково 10 и Дачи на Нижнем Дону. Даже та ничтожная часть его инвентаря, которая уцелела, демонстрирует высочайший уровень культуры сарматских владык в лесостепи, за тысячу километров от античных центров, где производились предметы этой роскоши. Более чем вероятно на его принадлежность не просто сарматам, а аланам, которые к середине I в. н.э. становятся доминирующей силой в степях Подонья и Причерноморья. Это открытие не укладывается в уже ставшие привычными представления о нашем регионе как о далекой северной периферии Сарматии. Теперь ясно, что никакой сарматской периферии здесь в общем-то и не было, если чуть ли не в вер-

²⁶ Хазанов А.М. Социальная история Скифов. М., 1975. С. 257; Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 206; Крадин Н.Н. Кочевые общества. Владивосток, 1992. С. 7—9.

²⁷ Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. С. 124—128.

ховьях Дона было совершено княжеское или царское захоронение. Возможно, это и есть та самая «Верхняя Сарматия», известная раннехристианскому писателю Евсевию Кесарийскому (Praepar. evangel.: VI. 9, 31.).

Наметившиеся в I в. н. э. этнические процессы получили дальнейшее развитие на Верхнем Дону в позднесарматское время. Следует обратить внимание на то, что никогда больше курганные могильники и связанный с ними подвижный образ жизни не продвигались так далеко вглубь Подонья (вплоть до северных границ современной Липецкой и восточных районов Тульской области), как в позднесарматскую эпоху. Во II—III вв. наблюдается еще более резкое различие между памятниками южных, пограничных со степью районов и памятниками бассейна Верхнего Дона. Первые представлены главным образом впускными погребениями с северной ориентировкой, число которых в могильнике редко превышает два—три. Как по погребальному обряду, так и по сопровождающему инвентарю они не имеют существенных отличий от рядовых позднесарматских захоронений Волго-Донских степей. Поэтому представляется вполне правомерным связать их с собственно кочевниками-сарматами, тем более что, несмотря на сплошное обследование этого региона, никаких следов их оседлости на Среднем Дону до сих пор не обнаружено.

Иная ситуация складывается в это время в глубинных районах лесостепи, на Верхнем Дону. Здесь с середины II в. н. э. появляются большие курганные некрополи, насчитывающие десятки насыпей. Из них лучше изучены Ново-Никольский и Вязовский могильники, удаленные от степного пограничья на расстояние не менее чем в 300—350 км. Из поселений наиболее интересные материалы дали раскопки Ишутинского городища²⁸. Комплексное исследование этих памятников свидетельствует о сложных этнокультурных процессах на Верхнем Дону в позднесарматское время. Суть их я вижу в следующем.

В результате теснейшего взаимодействия сарматского и местного лесостепного населения во II — первой половине III вв. здесь возникает своеобразное этнокультурное образование, ярче всего представленное в материалах верхнедонских могильников. В них отчетливо проступает местный лесостепной компонент (биритуализм обряда по-

ребения, внутримогильные деревянные конструкции, широкое использование копий, ведущие типы кухонной и столовой керамики и др.), на мой взгляд, генетически восходящий к традициям уцелевшей части населения среднедонской культуры скифского времени. Правда, он оказался покрыт плотной позднесарматской «вуалью». Последняя ярче всего проявилась в некоторых обычаях (искусственная деформация черепов, ориентировка погребенных в северную половину круга, скрещенные в щиколотках ноги и т. п.), вооружении (длинные позднесарматские мечи и трехлопастные черешковые наконечники стрел), снаряжении коня (сарматские типы удила и псалиев), а также в деталях одежды (сильно профилированные фибулы причерноморских типов, пряжки) и предметах туалета (зеркала с боковой петлей и тамгообразным орнаментом на обратной стороне). С учетом очевидной гетерогенности культуры верхнедонских племен первых веков н. э. их генезис представляется следующим образом.

По данным археологии их предки появились в верховьях Дона в последние века I тыс. до н. э. в связи с известными событиями финала скифской эпохи, когда под воздействием все более усиливающейся сарматской угрозы часть среднедонского скифоидного населения отступила в более северные районы. Среди них могли быть не только рядовые обитатели городищ, но и уцелевшие представители знатных родов, оставивших на Среднем Дону могильники типа Частых и Мастюгинских курганов. Как я попытался показать в другой книге, последние служили родовыми некрополями местной военно-аристократической верхушки, скорее всего, геродотовых гелонов²⁹. Любопытно, что спустя несколько веков этот этноним вновь появляется на карте Сарматии Птолемея, причем по его представлениям где-то к западу от верховий Танаиса-Дона. Он упоминает гелонов в перечне народов восточной части Европейской Сарматии, границей которой была река Танаис (Ptolem.: III. 5, 10). Что стоит за локализацией гелонов в верховьях Танаиса — очередной птолемеевский анахронизм, появившийся в результате механического переноса на карту Сарматии архаичного этнонима, или этнографическая реальность — из самого текста «Географического руководства» определить невозможно. Но существенно то, что в первые века н. э. в Правобережье Верхнего Дона помимо оседлого городищенского проживало весьма подвижное и воинственное скотоводческое население, в куль-

²⁸ Разуваев Ю.Д. Ишутинское городище на Красивой Мече // Археологические памятники Верхнего Подонья I тысячелетия н.э. Воронеж, 1998. С. 85—96.

²⁹ Медведев А.П. Указ. Соч. С.141—143.

туре которого, помимо явного позднесарматского компонента прослеживается комплекс этнографических признаков, впервые появившихся в памятниках среднедонской культуры скифского времени. Информация об этих племенах, хотя бы в форме их старого этнонима, вполне могла дойти до Птолемея, так как ему было известно все течение Танаиса вплоть до его верховий³⁰. Где-то здесь он и размещает народ гелонов.

Разумеется, многое из богатой погребальной обрядности и еще больше из материальной культуры среднедонских лесостепных племен за эти века было утрачено, многое трансформировалось почти до неузнаваемости. Проследить, как конкретно развивался этот процесс, пока невозможно, так как до сих пор на Верхнем Дону неизвестны могильники рубежа эр. Скорее всего, в верхнедонских курганах фиксируются лишь его результаты в виде сохранения только части элементов этнокультурного комплекса, который был характерен для среднедонских племен в скифское время.

В целом если рассмотреть в динамике соотношение сарматских и местных субстратных элементов в культуре чертовицких и верхнедонских могильников, а также ближайших к ним городищ, то нельзя не заметить явного прогресса интеграционных процессов в жизни и культуре пришлого и автохтонного населения лесостепи. При этом складывается впечатление, что во II — первой половине III вв. на Верхнем Дону *межэтническая интеграция* перерастала в *этническую миксацию*, что ярко демонстрируют памятники типа Вязовского могильника и Ишутинского городища. В результате здесь складывалось этнокультурное новообразование, несводимое полностью ни к одному из основных исходных его компонентов. Судя по материалам верхнедонских могильников, формирующийся палеоэтнос имел свое «лицо» и занимал вполне определенное место в этнополитической структуре позднесарматского мира.

Анализ всей совокупности имеющихся на сегодняшний день материалов свидетельствует, что группы верхнедонского населения, оставившие курганные могильники II — первой половины III вв. н. э., вели довольно подвижный образ жизни. Каких-либо свидетельств наличия у них земледелия до сих пор не обнаружено. Основу хозяйства явно составлял скотоводческий уклад, в котором, как и прежде, ведущую роль играло коневодство.

На это указывает не только состав мясных тризн и напутственной пищи, но и подчеркнута «кочевнический» облик сопровождающего погребально-инвентаря Ново-Никольского и Вязовского могильников, особенно мужских захоронений, а также присутствие в обряде многих степных традиций вплоть до сохранения обычая насыпать над погребениями курганы. О довольно подвижном типе их скотоводческого уклада свидетельствует и характер сезонных стоянок, открытых в верховьях Дона в 80—90-е гг. прошлого века. По топографии (местоположение в пойме, непосредственно у воды) и находкам (фрагменты лепной и лощеной посуды тех же типов, что и в верхнедонских могильниках, кости животных) они обнаруживают типологическую близость сезонным стойбищам кочевников.

В связи с культурной неоднородностью и несомненной спецификой встает вполне закономерный вопрос: как лучше именовать археологические памятники позднесарматского времени на Верхнем Дону? Раньше, еще до исследования многочисленных городищ и поселений, вполне можно было обойтись рабочим понятием «верхнедонские курганные могильники». Но теперь к ним добавились синхронные городища, неукрепленные поселения и сезонные стоянки-кочевья. Поэтому в последнее время появляются предложения выделить здесь отдельную археологическую культуру, например, верхнедонскую. Но, зная о тех проблемах, которые в свое время породило выделение П. Д. Либеровым среднедонской культуры скифского времени, явно нарушившее нормальную таксономию локальных вариантов лесостепной скифоидной культуры, лучше пока воздержаться от введения в науку еще одной археологической культуры³¹. К тому же, в ней практически не оказалось бы «своих» оригинальных признаков при наличии очень многих «чужих», в первую очередь, позднесарматских, а также пережиточных скифоидных. Последние недавно побудили А. М. Обломского назвать поселения Подонья сарматского времени типа III Чертовицкого городища, как, впрочем, и само проживавшее на них население, «скифоидным»³². Мне это представляется исторически не верным, так как

³¹ Медведев А.П. Указ. Соч. С. 53.

³² Обломский А.М. К вопросу о присутствии протославян в лесостепном Подонье // Тезисы научной конференции, посв. основателю Липецкого областного краеведческого музея М. В. Трунову. Липецк, 1995. С. 58; *Он же*. Этническая ситуация в лесостепном Подонье в поздне-римское время // Проблемы славянской археологии: Труды VI Международного конгресса славянской археологии. М., 1997. Т. 1. С. 245.

³⁰ Кулаковский Ю. Карта Европейской Сарматии по Птолемею // Кулаковский Ю. Избранные труды по истории аланов и Сарматии. СПб., 2000. С. 248.

к первым векам н. э. время скифоидных культур давно прошло. С другой стороны, вряд ли целесообразно эти памятники рассматривать как один из локальных вариантов позднесарматской культуры, что невольно сместило бы акцент в сторону переоценки роли сарматского компонента³³. Учитывая условность всей нашей археологической номенклатуры, вполне очевидную дискретность групп лесостепных памятников степной сарматской периферии, а также степень их изученности, я все-таки склоняюсь к выделению на Верхнем Дону не культуры и даже не локального варианта, а группы или типа памятников под условным названием «*верхнедонские городища и могильники позднесарматского времени*». Вносить же в его наименование этнически окрашенные эпитеты («сарматоидные», «скифоидные», и т. п.) было бы методически неправомерно, так как последние всегда являются плодом научной рефлексии и впоследствии могут быть существенно уточнены. Существеннее другое.

Проведенное выше исследование нескольких групп средне- и верхне-донских памятников первых веков н. э. подтверждает плодотворную идею множественности и разнообразия сарматского мира³⁴, который включал как собственно сарматские ираноязычные, так и несарматские этносы, а также их «гибриды». Оно же показало гораздо большую протяженность Сарматии вглубь Восточной Европы, нежели это представлялось ученым, которые в своих штудиях опирались лишь на свидетельства античных авторов.

По-видимому, прослеженный на археологических материалах нашего региона этнокультурный процесс не был уникален. Все северные пограничные районы расселения сарматов фиксируют с разной степенью полноты явление слитности сарматских и местных культур³⁵. В первые века н.э. кроме Подонья этот феномен ярко представлен в памятниках лесостепной Башкирии типа Салиховского и II Ахмеровского могильников³⁶. Причем обращает на себя внимание явное сходство неко-

торых черт приуральских и верхнедонских памятников, которое не сводится только к результатам влияния поздних сарматов. Это мысовое расположение могильников, как правило, на новом месте, высокая концентрация небольших курганных насыпей на весьма ограниченной площади, доминирующая северо-восточная ориентировка погребенных, преобладание мяса лошади в составе заупокойной пищи и др. Отмеченная культурная близость столь территориально удаленных могильников северной периферии степного позднесарматского мира настоятельно требует дальнейшей разработки темы «Сарматы и лесостепь», но уже на более широком материале памятников всех названных регионов восточноевропейской лесостепи.

В середине III в. н. э. в жизни населения лесостепного Подонья происходят какие-то важные перемены. С этого времени здесь наблюдается сильное сокращение численности населения, причем не только сарматского, но и оседлых обитателей городищ. Как и в большинстве других районов распространения позднесарматской культуры, на Верхнем Дону прекращают функционировать курганные могильники типа Ново-Никольского и Вязовского. Процесс формирования нового верхнедонского этноса, видимо, был прерван.

Раньше это событие я пытался объяснить резким изменением этно-политической ситуации в степях Подонья-Приазовья, вызванным оттоком основной массы сарматов из этого региона в результате вторжения племен готского союза и разрушения Танаиса³⁷. Нарушение традиционных экономических и этнокультурных связей, конечно, не могло не сказаться не только на судьбах лесостепных сарматов, но и сарматизированных верхнедонских племен. Но, видимо, эта причина была не единственной, а может быть, и не главной.

Исследование А. Л. Александровским погребенных почв на Верхнем Дону, в том числе под насыпью одного из курганов Ново-Никольского могильника, показало, что как раз в это время здесь наблюдались природно-климатические изменения, связанные с окончанием относительно сухого и жаркого периода I в. до н. э. — II в. н. э. и началом более прохладного и влажного периода. Со временем это вызвало наступление лесов на остепненные ландшафты, особенно в подзоне северной лесостепи³⁸. Не исключено, что именно этот природно-

³³ В свое время по такому пути пошел автор и некоторые другие исследователи. См.: *Воронина Р.Ф.* Сарматский могильник у с. Ново-Никольское // КСИА. 1982. № 170. С. 89.

³⁴ *Браунд Д.* «Препарируя сарматов». С. 173.

³⁵ *Мошкова М.Г.* К вопросу о катакомбных погребальных сооружениях как специфическом этническом определителе // История и культура сарматов. Саратов, 1983. С. 31.

³⁶ *Васюткин С.М.* II Ахмеровский курганный могильник позднесарматского времени // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977. С. 67—89; *Он же.* Салиховский курганный могильник конца IV—V вв. в Башкирии // СА. 1986. № 2. С. 180—197.

³⁷ *Медведев А.П.* Сарматы и лесостепь. С. 201.

³⁸ *Медведев А.П.* Природно-климатические ритмы и направления миграций населения в лесостепное Подонье в раннем железном веке // Истор. зап. Вып. 5. Воронеж, 2000. С. 234.

климатический фактор со временем привел к нарушению привычной экологической обстановки, а значит, и сложившегося хозяйственно-культурного типа верхнедонских племен. По существу этим событием завершился многовековой период господства в Донской лесостепи ираноязычных скотоводческих народов. В дальнейшем их следы в Подонье не прослеживаются. Последующая судьба оседлого населения городищ пока остается неясной, хотя его отдельные культурные традиции

проявляются у населения Верхнего Дона III—V вв.³⁹. Ясно лишь то, что со второй половины III в. резко поменялся основной вектор этногенетических процессов в Подонье. Отныне он был связан с культурными импульсами, берущими начало не в южных, а в более западных районах Днепровского лесостепного Левобережья.

³⁹ *Медведев А.П., Акимов Д.В.* Верхнее Подонье на рубеже древности и средневековья // Исторические записки. Вып.7. Воронеж, 2001. С. 153.